

Наталья Васильева

Наталья Павловна Васильева – единственная дочь Павла Васильева. Живет в Рязани. Инженер по образованию (окончила Московский авиационный институт). Работала в рязанском КБ «Глобус», преподавала технические дисциплины в одном из колледжей Рязани. В настоящее время пенсионер. На протяжении многих лет она ведет огромную литературно-просветительскую, научную и общественную работу. Автор целого ряда статей о П. Васильеве. Составитель сборника стихов и поэм П. Васильева «Подымайся, песня, над судьбой!» (Рязань, 2001).

DOUBLESPEAK ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Поэты всех времен были в оппозиции к власти. Известен прием, который на языке Байрона называется «doublespeak», а на языке Пушкина «двуречие». И тот и другой им пользовались, и даже с удовольствием, так как здесь можно было проявить остроумие. Не пренебрегал этим приемом и Павел Васильев. Doublespeak Васильева встречается на каждом шагу. Первым по этому поводу высказался С. П. Залыгин: «Уже не однажды было замечено, что как только Васильев начинает говорить о чем-то совершенно новом, о чем надо сказать впервые – о своем современнике, о строителе ТУРКСИБа, о первом совхозе в казачьей станице Черлак, о новых идеях – он то и дело становится немощным, блеклым, язык его начинает напоминать статью из газеты» [1. С. 15].

Нельзя сказать, что Васильев про эту свою особенность не знал. В протоколе допроса (уголовное дело 1932 года) он своей рукой записывает: «Это лирика, которую я не стряпал, а писал совершенно искренне». Поэт перечисляет: «Ярмарка в Куяндах», «Сестра», «К портрету Р» («Новый мир»); «Киргизия», «Семипалатинск» и др. («Красная новь»); «Путь на Семиге» и др. («Огонек»). Правда, в том же протоколе допроса он признается, что стихотворение «Строится новый город» он написал «...из-за денег, спешно, чтобы заработать». Было и такое.

В. Ф. Михайлов говорит: «Павла Васильева несла поэтическая стихия редкой мощи и в напоре своем ворочала глыбами поэм, выбрасывала на берег алмазы и самоцветы лирики. Но было в этом потоке и немало сора – стихов-однодневок... рифмованных лозунгов <...> пока все сваливают в кучу...» [4. С. 19].

Конечно, отбор идет. Из двухсот тридцати стихотворений, оставшихся нам, половина – шедевры, остальные можно назвать «сором», но не надо спешить. Требуется с этим «сором» внимательно разобраться.

«Doublespeak» или «двуручье», называйте, как хотите, Васильев применял постоянно, потому что в отношении него была развязана самая оголтелая травля сразу же после его первой поэмы «Песня о гибели казачьего войска». Травля усилилась после статьи М. Горького «Литературные забавы», в которой пролетарский писатель заявил, что Васильев хулиганит почище Есенина и что от «хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного носа» [3].

И все же Васильев надеялся понравиться власти и убедить ее в своей лояльности. В свои дивные стихи он строчками вставлял советскую скороговорку, чем портил шедевры. Это заметили Л. Чащина и Ю. Русакова. Так, в царственной «Анастасии» встречается именно такая скороговорка. Начинается «Анастасия» замечательно:

Не смущайся месяцем раскосым,
Пусть глядит через оконный лед.
Ты надень ботинки с острым носом,
Шаль, которая тебе идет.
Шаль твоя с тяжелыми кистями –
Злая кашемирская княжна,
Убранная черными цветами, –
В ней ты засидишься дотемна... [1. С. 189]

А заканчивается штампом:

Выстоять и умереть не тяжело
За страну мечтаний и побед.
Ведь пока мы ссоримся и ладим,
Громко прославляя тишь и гладь,
Счастья ради, будущего ради
Выйдут завтра люди умирать [1. С. 191].

А в стихотворении «Расставанье» следом за божественными строками: «Твои глаза немножечко косили, –/ Нет, нет! – меня косили, как траву...» встречается халтура типа: «Заседывай коней, забудь про жалость –/ Во имя счастья, песни и любви». Спрашивается, зачем Васильев это делает? Несомненно, хочет понравиться. Но Муза тут же покидает его. Это очевидно. «Павел Васильев в 1918–1921 годах был еще отроком, не оттого ли по младости своей, или по горячности, он даже загибастей, что ли, беспощадней молодого Шолохова. Если автора «Тихого Дона» жжет и печалит горечь от братоубийственной бойни..., то запевщика «Песни о гибели казачьего войска»... заносит до кровавой крайности:

...Мы прокляли тех,
Кто для опавших, что вишен, утех
Кости в полях седых растерял,
В красные звезды, не целясь, стрелял,
Кроясь в осоку и выцветший ил,
Молодость нашу топтал и рубил.
Пусть он отец твой, и пусть он твой брат,
Не береги для другого заряд... [4. С. 10]

Захватывая в целом поэму, в которой так живо, певуче, ярко и красочно цвела старая казачья вольница, скажем так: тут Пашка, видимо, желая уравновесить свое восхищение былым да и для того, чтобы прошло в печати, в конце поэмы все же немного подвыл... Так волк одинокий, сильный и вольный зверь чует охотников до

его жизни, облаву, выстрелы... когда приступали с ножом к горлу – кромсал себя по-живому, бросал им куски мяса. А так – швырял кости – небрежным слогом: подавитесь!» Конечно, не надо так драматизировать, но Васильев «подвывал», желая понравиться власти – это чувствуется. С другой стороны, до сих пор мало кто заметил в поэме «Песня о гибели казачьего войска» иносказаний, которые заставляют читателя думать так, как хотелось бы автору. Иносказание васильевское – изобретательное и безрассудно смелое до дерзости. Он не боится спорить с властью. Вот он спрашивает, самым оскорбительным для нее образом:

Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?

На первый взгляд, кажется, что в самом вопросе содержится ответ: сам атаман и виноват. Но это только на первый взгляд. А если прочесть внимательно, то: «Водяные бабы да Урлютюп/ Слушают щучий хлюп». Так тихо в краю, что слышен «щучий хлюп». И вдруг:

На гнедых конях летаем,
Сокликаемся,
Под седой горой Алтаем
Собираемся.
Обними меня руками
Лебедиными,
Сгину, сгину за полями
За полынными... [1. С. 228]

От чего все всполошились? А от того, что из-за Урала пришел «полк Степана Разина и латыши». Значит, причина всему вовсе не атаман. Вот в частушечной переключке поют комсомольцы:

Не желтей, не вянь, камыш,
Выстой под морозами,
Нонче славится Иртыш
Крепкими колхозами [1. С. 240].

Но в ответ мы слышим ропот недовольных казаков:

Што за нова власть така – раздела и разула.
Еще живы пока в станицах есаулы!..

А вот сказка про черта, где Васильев явно высмеивает твердолобый атеизм комбедов:

Черт распинается,
Обут, одет:
– Бога, грит, товарищи,
Действительно нет! [1. С. 244]

Этой васильевской подначки простодушный М. И. Калинин не заметил и даже предложил издать «Сказ о черте» отдельной книгой. Но не издали, и правильно сделали.

– Мы, грит, не каторжные,
Это что ж,
Засевай пшеницу,
Овес и рожь.
Отдавай задаром,
Да это что ж?

Содирай со тела
 Двенадцать кож!..
 – Почему, откуда,
 Как это так –
 Для Советской власти
 Всякий – кулак? [1. С. 245]

А это уже прямой намек на грабительское раскулачивание. На протяжении поэмы Васильев по крайней мере трижды жалеет белоказака. Первый раз, рассказывая о бегстве казачьего отряда за кордон:

Белоперый, чалый, быстрый буран,
 Черные знамена бегут на Зайсан...
 Настигают пули волчий косяк,
 Что же ты нахмурился, молчишь, казак?
 Поздно коня свертывать, поди, казак,
 Рассвет, как помешанный, пляшет в глазах.
 Обступает темень со всех сторон,
 Что побитых воронов – черных знамен [1. С. 236].

В. Ф. Михайлов пишет: «И слово в заглавие «Песни...» найдено точное: гибель. Гибель не только казачьего войска – народа, языка, песни и жизни». Смешон К. Зелинский, который предлагает взамен «Гибели...» новое название: «Победа красного сокола над черным вороньем». Он абсолютно не понял (как и все мы тогда) васильевского двуречья. А Васильев продолжает жалеть белоказака. Старая казачка поет:

– Спи ты, мое дитяtko,
 Маленький-мал.
 Далеко отец твой
 В снегах застрял,
 Далеко-далешеньки, вдалеке,
 Кровь у твою батюшки на виске... [1. С. 238]

И, наконец, в третий раз Васильев жалеет казака:

Дыры глазниц проколола трава,
 Белая кость, а была голова,
 Саженная на сажённых плечах.
 Пали ресницы, и кудерь зачах... [1. С. 250]

Последний плач выдает Васильева с головой: кудерь – это принадлежность казачьей прически. Участь поэмы, да и самого поэта, была решена: поэму не напечатали при жизни автора. Интересен прием, чисто васильевский, когда одной строчкой поэт опровергает утверждение, которое изложено во всех предшествующих (или последующих) строчках. Так, в стихотворении «Прощание с друзьями» он пишет:

«Хорошо в стране нашей, – нет ни грязи, ни сырости,
 До того, ребятушки, хорошо!
 Дети-то какими крепкими выросли.

Но несколькими строчками выше есть слова, которые заставляют нас в этом усомниться:

Прощайтесь, прощайтесь, дорогие, со мной, – я еду
 Сбирать тяжелые слезы страны.

От чего плачет вся большая страна? Вот вопрос! Такой же прием используется в стихотворении «Я полон нежности к мужичьему сну». Вначале поэт оправдывает мужика, объясняя его отсталость тем, что:

Он сеял всю жизнь пшеницу и рожь
И не слышал, как гремят соловьи...

Потом поэт вступается за мужика, потому что тому плохо:

Рассвет по ромашкам шел к мужичьему дому,
Поглядеть в окошко, как мужику спится.
Как мужику спится? Плохо мужику спится.
Вот какая-то птица к нему садится
И начинает разговаривать по-худому.

Это весьма прозрачный намек на раскулачивание и коллективизацию. Открыто говорить об этом было запрещено.

В 1936 году Васильев начинает писать в рязанской тюрьме поэму «Христоролюбовские ситцы». Тут уж он не то, что «подвывает» – «воет». Вторая и третья главы так испорчены васильевским агитпропом, что С. П. Шевченко считает поэму очень слабой, но не будем спешить. Вот вторая глава начинается со стройки пятилетки, и здесь мы явно слышим есенинское: «Милый, милый, смешной дуралей...»

Согнувшись под стальным копытом,
Нежданный получив удар,
На ящерицу
С перебитым
Хребтом
Похож был Павлодар.
Обшит асфальтной парусиной,
Гугнив
И от известки бел,
Еще он лаял мордой псиной
И кошкой на столбах шипел [1. С. 536].

Но все же безжалостная техника побеждает природу:

Огромен,
Многоребер,
Ярок,
В плакатах с головы до пят,
На курьих косточках хибарок
Стоял Текстильный комбинат [1. С. 537].

Главный герой поэмы – художник, которому П. Васильев дает (не случайно) фамилию Христоролюбов. Антиподом Христоролюбову является друг детства, а теперь секретарь парткома с фамилией Смолянинов (от слова «смола»). Что говорит само за себя. В третьей главе художник беседует с председателем совхоза Федосеевым:

Христоролюбов

Рисую. Что ж, Федор Петрович, знаете вы художников?

Федосеев

А как же? Разве не видали

В моей квартире на стене

Картин?

Христолюбов

Нет-нет...

Федосеев

Товарищ Сталин на трибуне,

И Ворошилов на коне.

Христолюбов

Вам нравится?

Федосеев

Конечно.

Христолюбов

Очень?

Федосеев

Иначе б их не приобрел

И не держал бы... [1. С. 563–564]

Этот диалог вырезали из текста поэмы, опубликованного в журнале «Октябрь» в августе 1956 года. Крамолу не допустили. Но уже в сборнике 1957 года «крамола» напечатана, хотя купюры есть. В поэме «Одна ночь» вырезан Есенин:

Когда соловей

Рязанской земли

Мертвые руки

Скрестил – Есенин, –

Они на плечах его понесли,

С ним расставались,

Встав на колени.

Когда он,

Изведавший столько мук,

Свел короткие с жизнью счета,

Они стихи писали ему,

Постыдные, как плевки

И блевота... [1. С. 374]

А ведь именно в 1957 году начался спор: убили Есенина или это было самоубийство. Васильевская точка зрения (поэт был затравлен) – это точка зрения многих, но высказана она была впервые, и издатель испугался ее публиковать. И только в ленинградском сборнике 1968 года мы прочли эти слова про Есенина, а также в поэме «Принц Фома» крамольную строчку «Мужик разверсткой недоволен» вместо напечатанной в 1957 году – «Мужик в деревне недоволен». Будучи изначально уверен в своей правоте, Васильев спорил с Н. Асеевым, «противопоставляя свое знание народного быта, коренного уклада жизни, не изменяющегося в течение долгих сроков и не могущего измениться сразу». Н. Асеев вспоминает: «Маяковский, да и я, казались ему чересчур поспешными людьми, старающимися изменить бытовой идиотизм деревенской жизни без точного знания ее уклада». В отличие от этих поэтов, Васильев не видел никакого «идиотизма» в укладе народной жизни и прославлял эту жизнь в своих поэмах. А когда, согласно велению времени, он должен был в конце поэмы «убить» своих героев и проклясть все прошлое, то делал это так вяло и неохотно, что слабость финалов поэм была видна невооруженным глазом. Это отмечают многие исследователи: Сергей Куняев (Москва), Валерий Михайлов (Алматы), Ольга Иост (Павлодар). Точнее

всего объясняет это О. А. Иост: попыткой «угодить идеологическим запросам и тем самым уверить в своей преданности» [5. С. 35].

Требуется подробное исследование doublespeak Павла Васильева, т.к. причины в разных случаях были разные – от желания просто угодить власти и понравиться ей до, напротив, желания поспорить с властью и дерзко посмеяться ей в лицо, и, наконец, элементарно заработать деньги на кусок хлеба, чего Васильев даже не скрывал.

Но мы все должны помнить главное, то, что сказал про Васильева А. Хвалин (Владивосток): «П. Васильев первым понял, что путь на крови, по которому повели Россию, – тупиковый». Он это понял раньше всех. Открыто выступать по этому поводу было невозможно. Оттого его doublespeak так изобретателен и разнообразен. Есть даже целое стихотворение – иносказание, на которое, кстати, никто почти не обращает внимания.

ПЕСНЯ ЮГО-ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Прискакали два лыцаря к красотке,
У красотки вся квартира освещена.
Выставила им водки и селедки,
Полюбовника за дверь выставила она.

Звякали уздечками серебряными кони
На привязи. Огни потушил телеграф.
Дала красотка лыцарям по иконе,
Но полюбовник, «смертию смерть поправ»,

Вновь возвратился в обогретое место,
По-другому повернулось дело теперь:
Он ее жених, а красотка – его невеста,
Дверь закрыта.
Лыцари, выламывайте напрочь дверь!

Смысл мне видится в том, что вместо Бога России предлагают другого идола, и слова «смертию смерть поправ» явно указывают, кого именно. Поэт отчаянно призывает «лыцарей» спасти Россию от этого идола: «Лыцари, выламывайте напрочь дверь!» Васильев «выламывал дверь» изо всех сил и поэтому погиб.

Литература

1. Васильев П. Стихотворения и поэмы. – Ленинград: Советский писатель, 1968.
2. Михайлов В. «Сердце нараспев». – Москва: Альманах «Академия поэзии», 2009.
3. «Правда», 1934, 14 июня, № 162
4. «Простор», 2009, № 12, С. 3–65.
5. Павел Васильев в контексте русской и мировой литературы: Материалы международной научно-практической конференции. – Павлодар: НПФ «Эко», 2004.

